

Раздел IV
ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОПРОСЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Part IV. THE DEVELOPMENT TENDENCY OF THE NATIONAL EDUCATIONAL SYSTEM AND THE ISSUES OF SCHOOL EDUCATION

УДК 123 + 378 + 316.752

ТРАНСФОРМАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ
И ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ОБЩЕСТВЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

А. О. Крашенинина (Томск)

В статье рассмотрена эволюция ценностных установок общества и университета (на примере немецкого университета) как социального института от приоритета чистого разума, необходимости одиночества и свободы в обществе модерна через преодоление аполитичности в виде солидарности и социальной открытости в середине XX в. к плюрализму ценностей, индивидуализации, коммуникации в обществе «высокого» модерна или постмодерна. Обсуждается риск потери членами академического сообщества ответственности за последствия исследований, качество образования, развитие общества в надгосударственном, глобализированном пространстве и в качестве преодоления данного риска предлагается осознание экологической общности как основания внутренней духовной ответственности.

Ключевые слова: *идея университета, академическая свобода и ответственность, академические ценности, глобализация академического пространства.*

© Крашенинина А. О., 2014

Крашенинина Анна Олеговна – аспирант кафедры инженерного предпринимательства Института социально-гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: avgkrashao@mail.ru

Krasheninina Anna Olegovna – post-graduate student of the Chair of Engineering Entrepreneurship of the Institute of Socio-Humanitarian Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University.

TRANSFORMATION OF ACADEMIC FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN THE GERMAN UNIVERSITIES IN MODERNITY AND POSTMODERNITY

A. O. Krasheninina (Tomsk)

In the article, the evolution of axiological bases of society and university on the example of the German university is considered. The priority of pure reason, solitude and freedom in modernity is converted through overcoming the political and social indifference in the form of solidarity in the middle of XX century and arrives into pluralism of values, individualization and communication in postmodernity. The risk of losing responsibility among academics in the modern supranational globalized society is discussed; and as a way to overcome this risk there is suggested understanding of ecological unity as the foundation of internal responsibility.

Keywords: *idea of university, academic freedom and responsibility, academic values, globalization of academic sphere.*

В порывах модернизации высшего образования мы снова и снова прибегаем к ставшему неким мифическим образцом идеального исследовательского университета – университету по модели Вильгельма фон Гумбольдта (1810). «Подавляющее большинство современных рецептов преодоления университетского кризиса по сути дела повторяют рекомендации Гумбольдта или Ньюмена, между тем как уверенность в пригодности их рекомендаций зиждется лишь на незнании основополагающих текстов из истории этой институции» [1]. Совмещение исследования и преподавания, ценность фундаментальных исследований, а главное – принцип академической свободы и уединения университетского профессора являются основными принципами модели, получившей в свое время широкое распространение в мире.

Однако необходимо учитывать предпосылки любой модели и внешние социально-политические условия, прежде чем перенимать какие-либо идеи, так как университет в значительной мере является зеркалом своей эпохи и, следовательно, может быть неприемлем в другое время. Уже в 1980–90-х гг. произошёл поворот от обсуждения «вневременных» и «вечно актуальных» ценностей модели Гумбольдта к дискуссиям о «гумбольдтовском мифе» [2–4] Кроме того, существуют интерпретации негативного влияния идеологических оснований классического немецкого университета на политическую, духовную ситуацию, на кризис Германии в начале XX в. в виде потери академическим сообществом социальной ответственности [5] А в современном мире из-за высочайшего развития технологий и потенциальной опасности их применения, экологического риска, массовости участия населения в академической (университетской) сфере вопрос академической ответственности становится чрезвычайно важным.

Проследим трансформацию гумбольдтовской идеи академической свободы члена университета и организационной формы его деятельности – уединения – в формы, наиболее отвечающие социально-политической ситуации и современным философским идеям, в трех периодах: модерна (Новое время), в переходном периоде середины XX в. и постмодерна (конец XX в. – наше время). Рассмотрим, соответственно, разную возможность существо-

вания академической ответственности, ее предмет и основания, а также риск ее потери. Анализ производится на примере положения немецких университетов XIX–XXI вв.

XVIII–XIX вв. в Западной Европе – это время промышленных революций, рационализма, приоритета науки в постижении истины, формирования национальных государств, становления новых, капиталистических производственных отношений, изменения общественного и индивидуального сознания. Это так называемое общество модерна, возникшее в противоположность обществу традиционному.

Необходимо заметить, что для Германии, тогда еще Пруссии, это время поражения в войне с Наполеоном, когда «государство должно было заметить духовными силами то, что оно утратило в физическом плане» [5, с. 11], объединиться и поднять моральный дух народа. Построение национального государства, формирование национальной идентичности смогло бы сплотить народ. И именно академическое сообщество должно было играть здесь центральную роль: «Каждая нация стремилась увидеть в собственных университетах (...) сферу приложения “национального духа“, который именно здесь достигал одного из своих наивысших выражений» [6, с. 156].

В эпоху модерна должен был быть совершен переход от государства природы к государству разума, которому не сопутствовало бы разрушение природы. Таким неревOLUTIONционным решением стала культура, тесно связанная с понятием образования и обозначавшаяся словом *Bildung*, что есть целенаправленное формирование индивида определенного типа. Двумя ветвями культуры (образования) были наука, или единство всех знаний и обучение как развитие личности, процесс, а их единство представлял собой университет [1] Отсюда его огромное значение и цели: развитие научного и технологического потенциала нации и обеспечение все возрастающей потребности общества в квалифицированных кадрах.

В XVIII в. «на смену установки Канта на воспитание нравственного и свободного человека пришло (...) гегелевское представление о воспитании, предполагающее необходимость подчинения несовершенной личности совершенному государству» [7, с. 32]. Кроме Г. Гегеля, идеалисты Ф. Шеллинг, Г. Фихте, а также Ф. Шлейермахер, Ф. Шеллер и Г. Штеффенс стали философами-прародителями идеи классического университета, которая была претворена в жизнь чиновником В. фон Гумбольдтом.

Ученому эпохи модерна, занимающемуся поиском истины «из глубин духа», необходимо уединение и свобода: «Разум, по Шиллеру, выдвигает вперед автономного субъекта, способного к рефлексии мира детерминаций, от которого он сам освобожден как чистая точка сознания» (см.: [1]). По представлениям немецких идеалистов, ценна была возможность «пользоваться своим рассудком без управления со стороны Другого». Сообщение Другому – это искажение «чистой логики», так как, помимо функции значения, необходимо задействовать функцию оповещения знака, а самого себя бессмысленно оповещать о собственных мыслях [8] Это обуславливает знаменитый тезис В. фон Гумбольдта об одиночестве и свободе: «Поскольку научные заведения могут достигнуть своей цели только в том случае, если каждое из них будет по возможности соответствовать чистой идее науки, то преобладающими для них принципами яв-

ляются одиночество и свобода» [9; 10]. Необходимость коммуникации подключается лишь на этапе передачи полученного знания для вдохновения других [9] и, в частности, для обучения.

Государство гарантирует члену университета такие свободы, не вмешиваясь в его научные дела, ибо считается, что таким образом само государство в итоге выиграет [9]. Ученый чувствует себя «некоронованным королем» в своей сфере, может полностью посвятить себя чистой науке. Однако, предоставляя автономию в академических вопросах, государство делает его государственным служащим и некоторым образом «обязывает его быть лояльным» [5, с. 13]. И тут возникает вопрос о степени оправданности такой цены свободы, как лояльность.

Государственной стратегией Пруссии изначально было «обновление загнившего общества на пути к активному гражданскому обществу» [5, с. 11]. Но такое положение профессоров и студентов, как считает профессор Б. Хеннингсен из Университета им. Гумбольдта в Берлине, делает их подданными, но не гражданами. Университет Гумбольдта, будучи «неполитическим пространством, неподвластным общественным и политическим влияниям, где вне всякой политики реализовывал себя ученый, в столь многократно цитируемом одиночестве и свободе» в XX в. «оказался политически управляемым, он был каким угодно, только не защищенным от влияния идеологических движений» [5, с. 8–9]. Доказательством этого он считает «отказ образованного общества от политики» в 1933 г. и открытость политического центра общества для появления авторитарной формы власти [5, с. 10].

Н. С. Ладынец говорит о том, что факторы в совокупности: абсолютизация германской национальной идеи, приоритет исследования и гражданственности перед моральной философией – привели к переоценке значимости национальной культуры, забвению общечеловеческих ценностей гуманистической культуры, формированию сциентистского прагматизированного сознания и заложило предпосылки кризиса в XX в. [7, с. 32–33]. Эта модель, в отличие от английской традиции (либеральной идеи университета Дж. Ньюмена), была сконструирована для воспитания, прежде всего, исследователя, а не морально и культурно широко воспитанного джентльмена.

Для реализации себя как гражданина ученый должен был выйти из своего одиночества и преодолеть частное. А университет Гумбольдта становится сообществом частных лиц, чьи права защищены от посягательств со стороны государства [5, с. 19].

В обществе модерна член университета индивидуализирован, уверен в своей научной и образовательной неприкасаемости, поддерживаемой государством. Так как свобода в академической сфере предполагает ответственного, мотивированного носителя, готового к свободе, он – сильный духом человек, но забывавший об общественном аспекте ответственности, об открытости обществу, его проблемам, политическим и вненациональным вопросам.

Во время и после Второй мировой войны развернулась дискуссия о вине и задачах университета (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Хаймпель). Философы, ставшие свидетелями «торжества и краха немецкой национальной идеи» [7, с. 48], пытались исправить положение, придавая идее университета Гумбольдта гуманистическую направленность (К. Ясперс), преодолевая сциен-

тизм и усиливающуюся специализацию знаний путем универсализации знаний (Р. Хатчинс), внося в университет элементы либерального образования, общей культуры (Х. Ортега-и-Гассет) и в целом критикуя социальную пассивность университета. Культурная функция, а именно воспитание гражданственности (а не подданности), по К. Ясперсу, подразумевала расширение национальных границ: осознание принадлежности своему народу и одновременное стремление быть интернациональным [7, с. 49].

Настал период «солидарности», когда люди, ощутив на себе все негативные последствия отчуждения, стали стремиться к объединению и вовлечению каждого в общий процесс. Главенствующим стало понятие «мы», человек чувствовал себя частью общего, семьи, предприятия, государства и пр. Университет также стал общественным институтом. Его массовый характер привел к утрате элитарности высшего образования, что исключило возможность обособленности ученых и студентов. Кроме того, сам статус института увеличил зависимость членов университета друг от друга: солидарность предполагает присоединение к господствующему мнению. Университет, наука, академии стали призваны служить обществу, держать ответ перед ним: выполнять сервисные функции (А. Флекснер, Р. Хатчинс, К. Керр), функции научной экспертизы, действовать для улучшения общественного порядка (Р. Хатчинс).

Однако объективность, «незаинтересованность» члена академического общества и теперь оказалась под угрозой: в зависимости от того, в рамках какого режима – капиталистического или тоталитарного – университет существовал, нужно было выбирать, от кого получать поддержку: от частных или государственных дотаций [7, с. 60]. Соответственно, зависимость или лояльность сохранилась, только теперь от двух сил: рынка или политики.

Для Германии эти годы стали временем восстановления системы высшего образования в условиях нехватки кадров, политизации материалов, особенно в гуманитарных науках. Происходила централизация образовательной политики, разрабатывалась программа государственного финансирования, было создано Министерство образования и науки (1969), Объединенная комиссия федерального правительства и администрации земель по вопросам планирования развития образования и исследований (1970), в 1976 г. вышел первый Hochschulrahmengesetz – общий закон о высшей школе в ФРГ. Массовизация привела к созданию новых университетов, не только классических, но и университетов специальных типов (Fachhochschule, Gesamthochschule) [11, с. 194–196].

Однако никто не ожидал, что социальное вовлечение, политизация университета приведут к значительным проблемам в 1960–70-е гг.: милитаризации университетского сектора вследствие холодной войны, расовой и половой дискриминации, снижению качества образования, а также снижению социальной поддержки и росту безработицы среди молодых специалистов, что вызвало массовые студенческие волнения по всему миру [7, с. 58].

Итак, целью реформ университета в XX веке было преодоление уединения, привилегированного автономного положения и аполитичности члена университета и выход на уровень солидарности, публичности, ответственности университета перед обществом. Такие дополнительные обязанности ограничили академическую свободу, а необходимость лояльности, то есть зависимости от спонсирующего института, осталась.

Современное общество вступает в стадию так называемого «высокого», «жидкого» модерна или постмодерна [12]. При этом типе научной рациональности и уровне организации сознания, в отличие от «твердого» модерна, утрачена однозначная детерминация и каузальность, нет универсальной морали, линейного времени и единой пространственной перспективы. Рациональность смешивается с иррациональностью. Ослабевает значение национального государства, бывшие тождественными понятия *Machte* и *Staat* – «государство» и «мощь» – разделены. Мощь перешла в наднациональное, глобальное пространство, а государство страдает от тяжести возложенных обязательств, становится неспособным нести ответственность за то, что происходит с его гражданами. Некоторые функции переходят от политики к рынкам [12]. Связь индивида с государством слабеет: «Абстрактное понятие “гражданин” перестает быть адекватным и исчерпывающим описанием субъекта» [1]. Человек перестает однозначно идентифицировать себя и в рамках других социальных институтов (семьи, класса, нации), пытается существовать в отрыве от целого, в «обществе риска» и неуверенности.

Распад жестких структур ведет к индивидуализации, соответственно, и ответственность распределяется между индивидами, а не аккумулируется более в руках какого-либо института. Вместо стационарных социальных структур индивиды формируют гибкие, мобильные структуры проектного, сетевого типа. Солидарность, присущая понятию «мы», объединяющая людей на основе общих духовных ценностей, обеспечивающая некую справедливость, исчезает. «Утрата идентичности личности, виртуализация мира, утрата целостности и образности в культуре приводят к исчерпанию жизненной силы культуры и потере личностных ориентиров» [13, с. 228]. Абсолютные ценности, достижение конечного совершенства оказываются иллюзией: плюрализм мнений становится не только возможным, но и необходимым.

Среди вызовов университету в конце XX–XXI вв. можно выявить такие универсальные явления, как глобализация, все растущая массовизация, выход университета на рынок, усиление бюрократии, мощный технологический прогресс. Они несут с собой угрозы, которые делают существование университета по принципам, существовавшим в обществе модерна, более невозможным.

Функция классического университета образования или возведения к образцам знания и жизни как к единственно заданным в своем возвышенном начале, стремления к вечным и абсолютным истинам ушла в «повседневность», коммуникации, в отношения «жизненного мира», где идеалы, нормы и образцы предстали в своем плюрализме и ситуационных изменениях [14]

Идею органической идентичности было предложено заменить идеей рациональной коммуникации (Ю. Хабермас): между областями наук; между исследователями, преподавателями и студентами; а также между университетом и другими общественными институтами.

В Германии происходит диверсификация форм университета, приведение системы в соответствие с международными, по большей части англо-американскими образцами. Появляется тенденция к разделению традиционных функций университета: исследования и обучения, что происходит из-за стремления немецкого правительства поддерживать передовую науку в избранных университетах (*Exzellenzinitiative*) [15], а также во внеуниверситет-

ских научных институтах [16] с целью поднятия страны в мировых рейтингах. Это означает деление на элитные и массовые университеты, уход от целостности высшего образования.

Если размышлять о социальной ответственности университета с его классического до современных видов, то это история ее поиска, потери и вновь растущей необходимости. В период «высокого» модерна социальное значение университета многократно возросло [17], так как через него проходит огромная доля населения; уровень и масштаб исследований чрезвычайно высоки, необходимо следить за последствиями применения результатов, если потенциальная и реальная опасность науки может превышать ее социальную полезность [6]. Конечно, не стоит возлагать на членов университета ответственность за все происходящее в государстве и за его пределами, за моральное воспитание всех людей, – это просто лишит возможности заниматься своим делом. В данном контексте, тем не менее, подразумевается необходимость вовлечения, «внимания к социальной реальности и ее проблемам» [18, с. 176], продумывание, обсуждение возможных опасных вариантов применения научных результатов; оперативное реагирование на процессы, происходящие в обществе, независимая экспертиза, критика институтов власти, экономики; и, вполне возможно, ответственность за моральное воспитание части населения, по крайней мере, научение думать, сомневаться, уважать. Ответственен ли современный университет?

С одной стороны, из-за отсутствия единой, абсолютной истины, индивидуумы должны постоянно стремиться к компромиссу. Существование «Я» обнаруживается лишь через существование «Другого»: человеку приходится жить «не в восхождении к высокой и единой истине как собственной сущности, в которой он мог бы целостно самоопределиться; жить ему приходится в выборе и коммуникации с бесчисленными «Другими», которые дают ему возможность также гетерогенного самоопределения» [19, с. 224]. Таким образом, в диалоге, в необходимости считаться с «другими» преодолеваются индивидуальное одиночество и личный произвол. И степень сложности научных исследований выросла настолько, что требует объединения ученых в группы на мировом уровне, обмена достижениями. Место прежней солидарности занимает коммуникация.

С другой стороны, мобильность, космополитичность ученого и преподавателя приводит к тому, что он, скорее, готов взять на себя ответственность за Университет с большой буквы, за его макроинституциональное будущее, нежели за деятельность конкретного института. Это проявление «мультикультурализма» оценивается как малоответственное поведение, «взгляд туриста на мир» [20]. Этому способствует и выход на надгосударственный уровень, и потеря внешнего института контроля и объединяющей идеи. Также существует тенденция к изменению восприятия социальной роли университета большинством студентов: университет становится пространством необходимой социализации молодежи, отсрочки вступления во взрослую жизнь, услугой для достижения определенного экономического статуса, то есть студенчество не стремится брать на себя ответственность.

Усложняет ситуацию и то, что в постмодерне мы говорим о некоем эпизодическом понимании времени [12], когда время разрезается на функцио-

нальные эпизоды, со своим началом и концом, в каждом из которых мы живем как бы в отрыве от остальной жизни. Мир фрагментарности, срочных контрактов, гибких, свободно формирующихся и расформировывающихся рабочих групп может привести и к фрагментированной ответственности. Ведь если ранее жизнь представляла собой продолжающуюся стрелу, человек ответствен за все, что сделал в ней и что передал потомкам, потому что им также жить в рамках этой стрелы. А если действие выполняется всего лишь в одном эпизоде? Дальше наступит новый, и все начнется сначала.

Получается, что в условиях общества «высокого модерна» существует большой риск появления глобальной множественности уединенных в собственной индивидуальности и неповторимости академиков, лишь периодически формирующих научные и образовательные связи, риск возвращения низкой степени социальной ответственности по типу университета Гумбольдта.

Степень академической свободы по сравнению с предыдущими периодами здесь возросла, так как менее ограничена государственными и институциональными барьерами. Коммуникация, необходимая из-за сложности исследований и возможная вследствие преодоления наукой национальных границ, существует, но она может носить лишь проектный характер, что освобождает от ответственности за границы проекта. При низком влиянии внешнего органа контроля стоит полагаться только на внутренний дух, внутреннюю ответственность членов академического сообщества, «принятие на себя “авторства” за сложившуюся или разворачивающуюся ситуацию» [18, с. 176]. Итак, в образовании и науке в условиях глобализации можно опираться на осознание принципов «общей судьбы», экологичности, общей ответственности за нее среди людей, живущих на одной планете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Риддингс Б.** Университет в руинах. – М. : Изд. дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
2. **Андреев А. Ю.** «Гумбольдтовский миф» и дискуссии о модели классического университета в современной зарубежной историографии // Харьковский историографический сборник. – 2004. – Вып. 7. – С. 31–49.
3. *Mythos Humboldt: Vergangenheit und Zukunft der Deutschen Universitäten / Mitchell G. Ash (Hg.).* – Wien – Köln – Weimar : Böhlaus Verlag GmbH und Co. KG, 1999. – 268 S.
4. *Humboldts Zukunft: das Projekt Reformuniversität / Bernd Henningsen (Hg.).* – Berlin : BWV, Berliner Wiss.-Verl., 2007. – 388 S.
5. **Хеннингсен Б.** Одиночество и свобода. Университет Гумбольдта и политика // Гумбольдтовские чтения: материалы международной научной конференции 24–25 сентября 2009. – М. : РГУ, 2010. – С. 8–27.
6. **Андреев А. Ю.** «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие: часть 1 // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 156–169.
7. **Ладъжец Н. С.** Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. – Ижевск : Изд-во Нижегородского университета Филиал при УдГУ, 1992. – 231 с.
8. **Куренной В.** Уединение университетского философа // Логос. – 2007. – № 6 (63). – С. 63–74.
9. **Гумбольдт В. Фон.** О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2/22. – [Электронный ресурс] – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html> (дата обращения: 11.12.2013).

10. **Schelsky H.** Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universitdt und ihrer Reformen. – Reinbek, 1963. – 288 S.
11. **Поляков Н. В., Савчук В. С.** Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса. – Днепропетровск : Изд-во Днепропетровского нац. ун-та, 2007. – 596 с.
12. **Бауман З.** Текущая модернность: взгляд из 2011 года // Публичные лекции «Полит.ру». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (дата обращения: 11.12.2013).
13. **Архипова О. В.** Идея образования в контексте постнеклассической культуры. – СПб.: СПбГИЭУ, 2011. – 324 с.
14. **Петрова Г. И.** Классический университет в неклассическое время. – Томск : Изд-во НТЛ, 2010. – 164 с.
15. Exzellenzinitiative für Spitzenforschung an Hochschulen / Webseite der Bundesministerium für Bildung und Forschung. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bmbf.de/de/1321.php> (дата обращения: 11.12.2013).
16. Vorfahrt für Universitdten. Zur Neuordnung des Wissenschaftssystems. Resolution des 63. DHV-Tages in Leipzig am 19. Mdrz 2013 // Resolutionen des Deutschen Hochschulverbandes – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hochschulverband.de/cms1/fileadmin/redaktion/download/pdf/resolutionen/Vorfahrt_fuer_universitaeten.pdf (дата обращения: 11.12.2013).
17. **Никольский В.** Университетская автономия и академическая свобода // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 147–155
18. **Евстифеева Е. А., Подолько Е. О., Майкова Э. Ю., Филиппченкова С. И.** Личностный потенциал: постмодернистская модель образования // Философия образования. – 2012. – №6 (45). – С. 173–177.
19. **Петрова Г. И., Хаткевич С. П.** Современная модернизация стратегии инженерного образования и традиции русской культуры // Известия Томского политехнического университета – 2006. – Т. 309. – № 5. – С. 223–227
20. **Согомонов А. Ю.** Корпоративная ответственность постсовременного университета // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 4–5(48–49). – С. 205–216.

Принята редакцией: 17.12.2013

УДК37.01:5+130.2

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Ю. С. Кравцов (Днепродзержинск)

В статье рассматривается новая ситуация в сфере образования, которая задается особенностями современного этапа развития национальной системы образования и определяется необходимостью переосмысления ценностных принципов образования в XXI в. через призму приоритетов устойчивого развития Украины как независимого государства. Особенностью современного социального познания, задающей новую парадигму, является то,

© Кравцов Ю. С., 2014

Кравцов Юрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права, Днепродзержинский государственный технический университет.

E-mail: kravcovyuri@yandex.ru

Kravtsov Yury Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Chair of Philosophy and Law, the Dneprodzerzhinsk State Technical University.